

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОЛЕ XXI ВЕКА

MODERN LITERATURE AT XXI CENTURY SCHOOL

Ланин Б.А.

Заведующий лабораторией литературного образования
Института содержания и методов обучения РАО,
доктор филологических наук, профессор

E-mail: 99bbb@mail.ru

Lanin B.A.

Director of Laboratory of literary education
at the Institute for content and methods of
training (Russian Academy of Education),
Doctor of Philology, Professor

Аннотация. Рассматриваются принципы включения произведений современной литературы в школьную программу. Отвергается идея о разделении массовой культуры и литературы, изучаемой в школе. Сформулированы принципы отбора литературных произведений: литературная значимость произведения, его популярность и литературно-критическая оценка; репрезентативность произведения для творчества изучаемого писателя; методическая и культурная традиция; доступность литературного произведения школьникам; «интересность» произведения; стилистическая характерность языка.

Annotation. Principles of introduction of works of the modern literature in the school program are considered. The idea about division of mass culture and the literature studied at school is rejected. Principles of selection of literary works are formulated: the literary importance of work, its popularity and a literary-critical estimation; a representativeness of work for creativity of the studied writer; methodical and cultural tradition; availability of a literary work for pupils; «attractiveness» of piece of work; language stylistic distinctness.

Ключевые слова. Современная литература, массовая культура, принципы отбора литературы, программа по литературе.

Keywords. Modern literature, mass-culture, criteria's for literature selection, literature curricula.

Чтобы оказаться в школьной программе, текст должен стать классическим. В логоцентрической системе текст становится классическим, когда изучается в школе. Но это еще не замкнутый круг. Еще одно предложение: в той же системе классические тексты непременно становятся массовыми. Круг замкнулся.

Так складывается костяк обязательных для ознакомления текстов. В них главное – сюжет, особенно легко воспроизводимые его части. В этом смысле литература успешно делит свое влияние с кино. Визуальный ряд помогает закрепить в памяти наиболее доступные для запоминания и воспроизведения сцены. Конечно, декларируется равноправие «содержания и формы», на самом деле содержание и его «правильная» интерпретация – главное.

Один из первых случаев совпадения – «Как закалялась сталь». Это был идеальный случай: классическое произведение сразу же задумывалось как обязательное для всенародного, в том числе и школьного, изучения. После разрушения в конце 20-х годов книжного рынка массовая литература не зависела от количества проданных экземпляров.

В программах советской эпохи через короткое время после выхода в свет оказались «Молодая гвардия» А. Фадеева, стихи Е. Евтушенко. В 70-е годы новые произведения перестали включаться в школьную программу непосредственно. Для них было необходимо «выдержать срок» в списке для внеклассного чтения или для факультативного изучения.

Это совпало с общественным интересом к учителям-новаторам. Их объединяло стремление к облегченному образованию, «свободному», «счастливому», наконец, «Образованию с улыбкой».

Когда известный психолог Я. Коломинский называл школу «домом, где разбиваются сердца», он уточнял цель, которую хотели разрушить своими акциями учителя-новаторы.

Но стремление к облегченному образованию в стране всесторонне развитого военно-промышленного комплекса могло привести лишь к одному: к сокращению гуманитарного образования. Ну, не математику же с физикой сокращать в государственном образовании, направленном на воспроизводство корифеев «почтовых ящиков». В итоге литературный канон оуклился, вот только ждать бабочки не стоило. Изученные в школе произведения не перечитывались. Читательский репертуар определялся на правительственном уровне и регулировался лимитами на бумагу. Так литературное образование на десятилетие разошлось с литературным процессом.

Когда в 90-е гг. начали появляться авторские программы, то они, естественно, старались отреагировать на появившиеся за годы перестройки новые тексты – Платонова, Булгакова, Замятина, Бродского, раннего Солженицына. Так вновь современная школьникам литература была попридержана – до изменения ситуации. Такое изменение ситуации настало с провозглашением курса на «профильную школу». Конечно, профильная школа была провозглашена для того, чтобы избавить «технарей» от гуманитарных «излишеств», но для гуманитарно ориентированных детей такая ситуация давала очевидный шанс восполнить свое литературное образование и научиться оценивать произведения современной литературы, следить за литературным процессом, выстраивать свой читательский репертуар.

В «постсовременной культуре» философ («постсовременный»?) Валерий Подорога выделяет три страта:

- 1) **культуру труда**, отчасти совпадающую с идеологией «трудовой этики» М. Вебера;
- 2) **культуру памяти** – учитывающую, что нынешний человек все более оперирует «оперативной памятью», нежели более глубокой и фундаментальной: ему важнее прожить сегодняшним днем, ближайшей неделей, чем сформировать на основе памяти долгосрочную жизненную стратегию, которая может быть в любой момент опровергнута обстоятельствами мгновенно и порой радикально изменяющейся действительности;
- 3) **культуру свободного времени** – важнейшая, по мнению философа, страта, отчасти противоречащая второй страте, ибо по сути своей – страта «забытия», позволяющая на время «забыть» повседневные трудности и переключиться в другой культурный регистр [1].

О чем говорит гипертрофированное развитие последней страты? О том, что Россия, хотим мы все того или нет, участвует в современных глобализационных процессах. А это значит, что все большее место в жизни наших граждан начинает играть массовая культура, менее значимая для старших поколений, чьи вкусы определились и сформировались до перестройки, органичная и адекватная – для нынешних школьников.

Наивно думать, что главные проблемы для нашей культуры рождаются за океаном. Вот что пишет один из самых популярных европейских писателей француз Мишель Уэльбек: «Опасности, подстерегающие литературу сегодня, не имеют ничего общего с теми опасностями, которые подстерегали другие искусства, а порой и наносили им непоправимый вред. Эти опасности скорее связаны с акселерацией восприятий и ощущений, характерных для логики гипермаркета.

В самом деле, ведь книгу можно оценить только постепенно; она требует обдумывания (не столько в смысле интеллектуального усилия, сколько в смысле возвращения назад); не бывает чтения без остановки, без движения вспять, без перечитывания. Это невозможная, даже абсурдная вещь в мире, где все изменчиво, все текуче, ничто не имеет непреходящей ценности – ни правила, ни вещи, ни живые существа.

Изо всех сил (а силы у нее когда-то были могучие) литература сопротивляется понятию непрерывной актуальности, абсолютизации настоящего времени. Книги ждут своих читателей, но у этих читателей должно быть свое собственное, стабильное существование. Они не могут быть просто потребителями, безликими теньями, они в каком-то смысле должны быть субъектами». [2]

Нужно прямо сказать: «Оградить школьников от массовой литературы» – задача бессмысленная. Массовая литература – она для всех, в том числе и для школьников. Проблема в том, как научить школьника находить и читать литературу для его читательской категории, а уже внутри этого литературного потока выбирать любимых писателей, произведения любимых жанров. Конечная

задача – воспитание литературного вкуса, умения различать «плохое» и «хорошее» в литературе, выработка критериев оценивания литературных произведений.

Разумеется, если эстетически сравнивать произведения массовой культуры с признанными классическими образцами, то очень легко скатиться на категориальное противопоставление, дескать, классика – «прекрасное» и «возвышенное», массовая культура – «безобразное» и «низменное». Однако современные культурологи справедливо замечают, что «масскульт отнюдь не всегда выступает как нечто пугающее, низменное и шокирующее. Чаще всего потребителем масскульта выступает типичный обыватель, не являющийся любителем “экстремальных” жанров, но с удовольствием воспринимающий приключения, мелодраму... Эти произведения не только дают отдых и успокоение усталому человеку, но порою выступают в качестве букваря по психологии или пособия по этикету, помогая ориентироваться в сложных жизненных ситуациях. Острота противоречий или показываемых конфликтных ситуаций никогда не доводится до каких-то пределов, смягчается юмором или переводится на другую сюжетную линию. Сами противоречия, в конце концов, разрешаются, запутанные отношения выясняются, добро торжествует, зло наказывается или высмеивается...» [3]

Глухого забора между школьниками и массовой культурой уже никогда не будет. Школа и методическая наука должны придумать действенные фильтры, в этом – один из вызовов времени. Цензура себя оправдывает только в ряде случаев – для запрета пропаганды насилия, наркотиков, межнациональной вражды. В остальном – это лишь бессмысленно и порой забавно.

Пока что школа не успевает реагировать на внедрение массовой культуры в сознание подростков. Особенно это касается литературы и визуальных искусств.

Вот эти соображения и натолкнули нас на мысль создать программу по современной русской литературе.

Первая же возникшая проблема – критерии отбора произведений. Обычно авторы программ свои критерии отбора начинали с «высокохудожественных, общественно значимых». Разделить было невозможно. Но как применить эти критерии к современной литературе, о которой спорят читатели и критики? Ведь их оценки еще не устоялись. В прошлом главенствовавшая нормативная эстетика не допускала, что общественно малозначимые произведения могут оказаться художественными, и наоборот. Конечно, «общественно значимые» – это парафраз «идеологически значимых». Ну, какое общественное значение имел роман «Мать», написанный 80 лет тому назад, в начале 80-х годов? В нем сплелись неправдоподобная ситуация, некоторая заостренность сюжета, претензия на историчность и реалистичность, легкий флер религиозности, а главное – доступная любому человеку переделка характера, взросление, возрастание над самим собой прежним. Однако, в силу своей идеологической насыщенности, он составлял основу канона.

Какое общественное значение имел роман «Разгром»? Есть в самом конце «Разгрома» замечательная сцена. Потерявший большую часть бойцов, безжалостно обиравший во имя высших целей мирное население отряд выходит из тайги. От многочисленного партизанского отряда осталось всего 19 человек. На противоположном берегу обычные люди – из тех, кого обирали и за чей счет просуществовали, «провоевали» народные защитники – убирают урожай и поют песни. Значит, революционная борьба все же нечто стороннее?

Здесь установлению канона, закреплению романа в каноне помогала методическая наука. Она попросту не заметила этой концовки, а вслед за ней не заметили ее и учителя, включая и знаменитых на весь союз новаторов, а литераторов среди них было немало. Наконец, в «Поднятой целине» Кондрат Майданников именно потому и идет в колхоз, размышляя над этой необходимостью бессонной ночью, что понимает – нет жизни без колхоза, буквально: или жизнь в колхозе – или не будет ему жизни на этой земле.

Критика и методическая наука, формировавшие, управлявшие и поддерживавшие канон, интерпретировали «расцвеченными», «уточняемыми» терминами: реализм – социалистический (т.е. не реализм), гуманизм – революционный (т.е. не гуманизм), справедливость – классовая (т.е. несправедливость) и т.п. – мораль, правосудие и прочие термины также потребовали переводящего в негативность уточнения. Этим фактически нивелировалась этико-эстетическая шкала литературных ценностей, выработанная русской классикой.

Необходимо было разобраться в современной ситуации в отечественной культуре и искусстве. Наиболее точными были словами известного немецкого культуролога и философа Вернера Хофмана: «Итог современной ситуации в искусстве может быть подведен словами философа Людвиг Витгенштейна: “Не существует априорного порядка вещей”. Можно, однако, воспользоваться и определением К. Маркса: “В наше время каждая вещь беременна своей противоположностью”. Оба высказывания высвечивают как самосознание искусства, так и его положение в мире в целом. Все может стать предметом искусства, так как не существует априорно ограниченной сферы искусства. Искусство, и это следует еще раз подчеркнуть, является скорее понятием, о котором условливаются в диалоге изготовитель и потребитель, то есть оно определяется соответствующими условиями. Произведения искусства более не являются некоторыми утверждениями, они предлагают некоторый опыт и некоторые ситуации на выбор. Понятийные границы между художником и нехудожником стали прозрачными. Там, где художник отказывается от пьедестала, не терпящего возражений возведения, намечается открытое, связанное с многообразием форм понимание искусства, которое в полемике нашего времени становится на сторону открытого общества...». [4]

Итак, в современной эстетической ситуации прежние критерии отбора не могли сработать. Оставались практически неосвоенными новые для методики жанры – например, фэнтези, различные жанровые разновидности современной фантастики, стыдливо выброшенная в самостоятельное чтение приключенческая и детективная литература, документальные и биографические произведения.

Уже появились два десятка монографий о русском постмодернизме, но по-прежнему лишь один научный коллектив предлагает методические подходы к освоению этой темы. В итоге мы **разработали программу элективного курса «Современная русская литература. 10–11 классы», рассчитанную на 72 часа. Реализация этой программы актуальна в рамках школьного компонента, в профильных гуманитарных классах.**

Главная особенность программы «Современная русская литература», как следует из названия, – включение в круг школьного изучения произведений современной литературы. Однако изучение современной литературы, современного литературного процесса, современником и свидетелем которого является ученик, становится благотворным и по другим соображениям. Если основной курс литературы изучается в контексте **литературоведения**, то курс «Современная русская литература» – в контексте **литературной критики**, что значительно изменяет ракурс изображения. Сокращается дистанция между временем опубликования произведения и его общественной оценкой, читательским признанием.

Ни об одном произведении современной литературы нельзя сказать, что оно – «классическое», ибо современная литература не может быть таковой по определению. Должно пройти время, литературная критика должна взвесить новаторство и традиционные элементы, отследить влияние на других писателей, должен сложиться общественный консенсус, чтобы в читательской, литературно-критической атмосфере, наконец, в общественном мнении произведение утвердилось в качестве классического.

Крупный специалист по творчеству А. П. Чехова И. Гурвич, говоря о понятии «литературная классика», замечал: «Обозначим его основу, его ядро: “Классика – безусловно, лучшее, общепризнанно лучшее”. Когда же выделяют “лучшее в своем роде”, то тем самым понятийную структуру усложняют дополнительным содержанием. Оно не ущемляет основного значения, но взаимодействует с ним, сообщая авторитетному термину отчетливо чувствуемую подвижность». [5]

Конечно, при отборе произведений нам приходилось все чаще идти за сложившимися в читательском сообществе предпочтениями, попросту говоря – за «рынком», ибо книжный рынок все же не так наивен и хаотичен, нежели рынок товаров повседневного бытового спроса. В этом следовании изменяющейся литературной моде нет ничего зазорного для учителя и для школы как для государственной институции. Напротив, разрыв между изучаемой в школе литературой и репертуаром современного читателя является порой опасным для авторитета школы: на уроках литературы обсуждаются проблемы ушедших поколений, методическая инерция поддерживает на плаву произведения, давно ушедшие в специальную историю литературы для профессионалов.

Отбирая произведения для включения в программу, мы следовали следующим принципам:

- 1) литературная значимость произведения, его популярность и литературно-критическая оценка;
- 2) репрезентативность произведения для творчества изучаемого писателя;
- 3) методическая и культурная традиция, например, необходимость «военной темы» и прослеживания судеб реализма в современной литературе;
- 4) доступность литературного произведения школьникам – развиваемая и взятая в динамике;
- 5) «интересность» произведения – также развивающаяся категория;
- 6) стилистическая характерность языка.

Некоторые постмодернистские произведения, неприемлемые для текстуального изучения в классе из-за радикальности языка, сцен насилия или откровенно эротического содержания, могут быть упомянуты учителем в обзоре. В программу были включены произведения, написанные позже 1984 года, т. е. начиная с утверждения «гласности» и свободы творчества как основы современного литературного процесса.

Программа построена на сочетании нескольких традиционных принципов. В ней взаимно дополняют друг друга проблемно-тематический, историко-литературный, теоретико-литературный, семиотический и деятельностный принципы. Работая по этой программе, учитель может постоянно обращаться к основной программе для профильной школы, к обязательному минимуму литературного образования, к Государственному стандарту литературного образования.

Некоторые темы программы дополняют изучаемый по основным программам корпус текстов, дают возможность более творчески, деятельностно включиться в освоение современного литературного процесса.

Программа предусматривает самые разнообразные виды ученической деятельности: читательскую, репродуктивную, литературно-критическую, наконец, креативно-дизайнерскую – при создании веб-сайтов, посвященных творчеству того или иного писателя.

Упор на мастерство и оценку, разбор критических материалов при изучении творчества современных писателей, прослеживание литературных дискуссий и, по мере возможностей, включение в эти дискуссии (хотя бы в форме сетевых форумов) способствуют становлению современного читателя, позволяют ученику самому стать одним из участников – хотя и не самым активным – литературного процесса.

Крайне важно, чтобы при этом курс литературы всячески поощрял и поддерживал воспитание заинтересованного в родной культуре человека, толерантного по отношению к «другому» (М. М. Бахтин), т.е. терпимого к проявлениям «инаковости». Вот лишь некоторые из тем, которые раскрываются в нашем курсе современной русской литературы:

- 1) Автобиографизм современной прозы (А. П. Чудаков. «Ложится мгла на холодные ступени»; А. Терехов. «Бабаев»; А. Найман. «Рассказы об Анне Ахматовой»; А. Генис. «Довлатов и окрестности»; Н. Коржавин. «В соблазнах кровавой эпохи»).
- 2) Неореализм (Л. Улицкая. «Казус Кукоцкого», «Медя и ее дети»; В. Маканин. «Андеграунд»; А. Слаповский. «Я – не Я»; А. Волос. «Недвижимость»).
- 3) Военная тема (Г. Владимов. «Генерал и его армия»; О. Ермаков. «Знак зверя»; А. Азольский. «Диверсант»; В. Астафьев. «Прокляты и убиты»).
- 4) Судьба литературы русской эмиграции (А. Солженицын. «Россия в обвале», рассказы и литературно-критические эссе; И. Бродский «Урания»; В. Войнович «Замысел», «Монументальная пропаганда», «Портрет на фоне мифа»; В. Аксенов «Московская сага»; А. Гладилин «Французская Советская Социалистическая Республика», «Тень всадника»; Б. Хазанов «Час короля»; Ю. Кублановский «Дольше календаря»; И. Горбаневская «Кто о чем поет»; Н. Коржавин «Сплетения», «Время дано»; С. Довлатов «Заповедник»; А. Гольдштейн «Прощание с Нарциссом»; Д. Рубина «Вот идет Мессия»; С. Болмат «Сами по себе»; Ю. Дружников «Русские мифы», «Ангелы на кончике иглы»; М. Веллер «Легенды Невского проспекта», «Ножик Сережи Довлатова»).
- 5) Трансформация истории (Е. Попов «Прекрасность жизни»; В. Золотуха «Великий поход за освобождение Индии (Революционная хроника)»; В. Пьецух «Государственное дитя»; Х. ван Зайчик «Плохих людей нет»).

- 6) Фантастическая и утопическая литература (А. Кабаков «Невозвращенец»; Л. Петрушевская «Новые Робинзоны»; В. Маканин «Лаз»; Т. Толстая «Кысь»; Вяч. Рыбаков «Грави-лет 'Цесаревич'»; О. Дивов «Выбраковка»; В. Пелевин «Омон Ра»).
- 7) Постмодернизм (Вен. Ерофеев «Москва – Петушки»; А. Битов «Пушкинский Дом»; В. Сорокин «Очередь»; В. Пелевин «Жизнь насекомых»; Д. Галковский «Бесконечный ту-пик»).
- 8) Концептуализм в современной поэзии (Творчество Д. А. Пригова, Л. Рубинштейна, Т. Кибирова, М. Айзенберга, С. Гандлевского, Д. Новикова).
- 9) Поэтический метареализм (Творчество И. Жданова, А. Еременко, А. Парщикова, В. Кальпиди, О. Седаковой, В. Павловой).
- 10) Современная эссеистика (И. Бродский «Меньше, чем единица», «Письмо Горацию»; А.Генис «Один. Два. Три»; Б. Парамонов «След», «Конец стиля»; П. Вайль «Гений места», «Карта Родины»).
- 11) Возрождение детектива (Б. Акунин «Внеклассное чтение»; Д. Донцова «Привидение в кроссовках»; А. Маринина «Стилист»).
- 12) Русская литература в Интернете.

По этой программе было выпущено пособие [6], вышедшее в двух форматах: в качестве спецкурса и в виде пособия для самообразования старшеклассников и поступающих на гуманитарные специальности в вузы.

Конечно, несмотря на системность охвата современной литературы, нас порой упрекали в субъективности отбора произведений. Но разве можно обойтись без этих упреков, если решил создавать федеральную программу и серию учебников? Эти замечания – ветер в паруса, они помогают почувствовать заинтересованность экспертов, учителей, писателей, методистов, наконец, родителей, заинтересованных в современном образовании для своих детей.

Главная проблема, связанная с этим курсом, – его мгновенное устаревание. Видимо, сейчас становится актуальной работа над методикой преподавания и чтения «безбумажной» литературы. Тексты все чаще прочитываются не в книге, а на электронных носителях.

«Электронный текст, каким мы его знаем или знали до сих пор, – это текст мобильный, изменчивый, открытый, – пишет крупнейший западный теоретик чтения Роже Шартье. – Читатель может не только выразить свое отношение к нему на полях: он может вторгнуться в само его содержание, перемещая, сокращая, расширяя, заново komponуя текстовые единицы, находящиеся в его распоряжении. В отличие от рукописи или печатной книги, где читателю позволено только втиснуть свои рукописные пометы в пробелы, оставленные переписчиком или наборщиком, цифровой текст допускает вмешательство читателя. Потенциально это может иметь огромные последствия: стирается имя и сама фигура автора как гаранта идентичности и аутентичности текста, ибо текст может меняться под действием множественного, коллективного письма. Вполне вероятно, что это открывает перед письменностью новые возможности – те, о которых не раз мечтал Мишель Фуко, воображая порядок дискурсов, где бы исчезла индивидуальная апроприация текстов, и где каждый мог бы оставить свой анонимный след в пластах дискурса, лишённого автора». [7]

Хотя эти проблемы еще не поднимались на страницах методической печати, нам представляется, что будущее методики – за ними.

Литература:

1. Подорога В. Культура и реальность. Заметки на полях// Массовая культура: современные западные исследования. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 319-320.
2. Уэльбек М. Мир как супермаркет. – М.: Ad Marginem, 2004. С.71-72.
3. Самохвалова В. И. Язык масскульта и современная мифология// Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М.: Гуманитарий, 2003. С.190.
4. Хофман В. Основы современного искусства/ Пер. с немецкого А. Белобратова. СПб.: Академический проект, 2004. С. 538.
5. Гурвич И. Русская классика XIX века как литературное явление. М.: Российский открытый университет, 1991. С. 7.
6. Современная русская литература. 10-11 классы. Под ред. Б. А. Ланина. М.: Вентана-Граф, 2005. 2-е изд. – 2006.
7. Шартье Р. Письменная культура и общество. М., Новое издательство, 2006. С. 221.